

РАЗГАДАЛ ЛИ ЭДИП ЗАГАДКУ СФИНГИ?

© 2019 В.И. Пимонов

Пимонов Владимир Иванович, Ph.D, кандидат филологических наук, профессор-эмеритус (Дания).

E-mail: ivpet65@mail.ru

Институт кино и телевидения (ГИТР). Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 04.03.2019

Автор статьи исследует и подвергает сомнению классический аргумент критиков, согласно которому Эдип не разгадывает загадку Сфинги, так как правильный ответ якобы должен указывать не на «человека вообще», а на конкретного – самого Эдипа, ибо именно он проходит три стадии превращения: из младенца, ползающего на четвереньках, во взрослого мужчину, ходящего на двух ногах и, наконец, в хромого слепца, опирающегося на посох — третью ногу. Полемизируя с этой точкой зрения, автор показывает, что в отличие от загадочного существа с меняющимся числом ног, которое становится *двуногим*, *четвероногим* и *треногим* (эта последовательность передана в канонической формуле загадки в версии Асклепиада), Эдип претерпевает метаморфозу, связанную с символическим изменением числа ног, *в обратной последовательности*: сначала он предстаёт *треногим* (стреноженный младенец, молодой мужчина с дорожной палкой и слепец с посохом), потом – в «Эдипе в Колоне» – *четвероногим* (опираясь на дочерей, которые выступают в роли двух костылей) и, наконец, *двуногим*, когда уверенно идёт навстречу смерти без помощи поводырей и не опираясь на палку. В контексте инвариантной структуры, включающей пьесы Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» как неразрывные части единого сюжета, *предсказание*, зашифрованное в нумерологической загадке о существе с меняющимся числом ног, сбывается в жизни Эдипа в *инверсированном виде*. В статье прослежена металитературная параллель между нумерологической и пространственно-временной инверсией: в символическом смысле путь героя пролегает не от прошлого к будущему, а от предсказанного будущего (убийство отца и брак с матерью) к прошлому, топографически воплощенному в горе Киферон, где он начал свою жизнь и куда он возвращается в конце. Автор высказывает догадку, что ответ Эдипа на загадку Сфинги также содержит скрытую аллюзию на индоевропейский прототип загадки о беременном животном.

Ключевые слова: Эдип, Сфинга, загадка, пророчество, сюжет, структура, инвариант, прототип, нумерология, инверсия.

Разгадывая загадку Сфинги о существе, становящимся «поочередно *четвероногим*, *двуногим* и *треногим*», Эдип отвечает, что это «человек: ибо в детстве он ползает на *четырёх* конечностях, когда человек становится взрослым, он ходит на *двух* ногах, а в старости он берет в качестве *третьей* опоры палку» [1, с.83]. Между тем на протяжении всей истории изучения мифа критики подвергают сомнению правильность ответа Эдипа, обращая внимание на его «неспособность <...> понять, что ответ <...> должен указывать не просто на абстрактного человека (*ἄνθρωπον* – в аккузативе), а на вполне конкретного — на него самого» [2, с.232]. «Эдип становится царем, разгадывая загадку о существе с меняющимся числом ног — четыре, две, три — однако он не осознает, что это относится к нему самому» [3, с.80].

Действительно, на первый взгляд кажется, что последовательность изменения числа ног у загадочного существа прямо перекликается с последовательностью изменения числа ног на трёх стадиях жизни самого Эдипа, который «в младенчестве ползает на четвереньках, образно говоря, пере-

двигается на *четырёх ногах*, в зрелом возрасте ходит на *двух ногах*, а в конце <...> ослепив себя, вынужден опираться на посох — *третью ногу*» [4, с.7]. Утверждение, что «ответ на загадку должен указывать на самого Эдипа» [5, с.70], стало почти аксиомой, не требующей доказательств: «ослепший Эдип покидает Фивы, ошупывая дорогу палкой <...> поэтому правильный ответ на загадку Сфинги: «Это я, сам Эдип!» [6, с.21]. Акт самоослепления Эдипа был добавлен в послегомеровских изводах мифа, возможно, именно для того, чтобы «согласовать *третью ногу* существа в загадке с *посохом слепца*, который понадобится Эдипу после его самоослепления» [7, с. 210].

Предсказание. В версии мифа, изложенной Софоклом в трагедии «Царь Эдип», Сфинга названа *пророчицей* (*μάντις*, 390 и *μαντεύϊας*, 394; Oedipus Tyrannus), из чего следует, что ее загадка заключается в себе некое *предсказание*. В словах Хора Сфинга обозначена словом *χηρσιμφός* (1200), то есть *вещательницей оракулов, прорицательницей*. В схолии к «Финикиянкам» Еврипида говорится о неразрывной связи между загадкой и предсказани-

ем: «загадывающая загадки Сфинга была вещательницей (χρησιμολόγος) трудных для понимания предсказаний. <...> Загадка и предсказание несут в себе одну и ту же функцию» [8, с.238]. «Загадка Сфинги, о которой Эдип говорит в начале пьесы — как «чеховское ружье», выстреливает в конце, когда становится ясно, что он и есть то самое существо, о котором говорилось в загадке. <...> Загадка Сфинги — не просто загадка, это пророчество» [9, с.34 — 35]. Загадка Сфинги имеет два возможных прочтения: как иносказательный образ *человека*, о котором говорил Эдип в своём ответе, и как «предсказание судьбы самого Эдипа» [6, с.21]. Собственно пророческий смысл может заключать в себе лишь «последняя, третья часть загадки, относящаяся к будущему Эдипа, когда он сам себя ослепит» [10, с. 31 — 32].

По мнению О.М. Фрейденаберг именно иносказательная форма загадки не позволила Эдипу увидеть в ней скрытое предсказание своего будущего: «Эдип — разгадыватель загадок Сфинкса. Иносказание делает из него существо, не умеющее найти разгадки своей судьбы» [11, с.606]. По словам В.Н. Топорова Эдип «отгадал неглавную загадку — о человеке вообще, но не отгадал ... главную — не просто человек, а я сам, Эдип» [12, с.256 — 258]. Образ слепого Эдипа, опирающегося на посох, явно ассоциируется с иносказательным образом *треногого* существа в загадке, что и наводит комментаторов на мысль о том, что «правильный ответ на загадку Сфинги — это сам Эдип, который «испытывает посохом свой путь» [13, с. 28].

Треногий Эдип. Между тем образ *треногого* существа в загадке Сфинги в строгом смысле не является скрытым пророчеством или предсказанием будущей слепоты Эдипа, когда он, утратив зрение, будет передвигаться с посохом — в символическом смысле *на трёх ногах*. Дело в том, что треногое существо в загадке, как иносказательный образ человека в старости — *на третьей стадии жизни*, не относится к будущему Эдипа, то есть к третьей стадии его жизни. В версии мифа в изложении Софокла Эдип опирается на палку-посох (σκήπτρον) в самом начале действия, когда он еще совсем молод, образно говоря, он передвигается *на трех ногах уже на второй стадии жизни*, задолго до того, как он себя ослепит. Об этом мы узнаем из рассказа о том, как Эдип своим дорожным посохом (σκήπτρον) убивает сидящего в колеснице незнакомца, как потом выяснится, своего собственного отца и сопровождающих его людей: «σκήπτρον

τυπείς ἐκ τῆσδε χειρὸς ὑπτιος» (Oedipus Tyrannus, 811)^{1*} — «Я посохом его ударил в лоб» (Царь Эдип. Пер. Ф. Зелинского)^{2**}. Уже в начале трагедии молодой Эдип «появляется перед фиванцами, опираясь на посох (σκήπτρον)» [14, с.220]. В «Царе Эдипе» «основной предмет реквизита упомянут в самом тексте: это палка Эдипа, на которую он опирается при ходьбе. <...> В конце пьесы мы видим этот мощный символ в виде посоха слепца — живого напоминания о том, что древнегреческая трагедия была рассчитана как на визуальное, так и на слуховое восприятие» [15, с.17]. Кроме того, в тот момент, когда Эдип опирается на посох по причине слепоты, он ещё далеко не старик, то есть не достиг третьей стадии жизни, которая в загадке Сфинги иносказательно соотносится с треногим существом — с человеком в старости.

Эдип был *треногим* с самого рождения — уже *на первой стадии своей жизни*: «Несмотря на то, что бог устами оракула запретил Лаию иметь детей, ибо родившийся у него сын станет отцеубийцей, Лаий все же в состоянии опьянения сошелся с женой. Когда родилось дитя, он, *предварительно проколол ему лодыжки пряжкой*, отдал его пастуху, чтобы тот его выбросил» [1, с.83]. Мать Эдипа Иокаста излагает эти события несколько иначе: «И он его, *сковав суставы (ἄρθρα) ножек (ποδοῖν)*, / Рукой раба в пустыне бросил гор!» (Софокл. Царь Эдип. Пер. Ф.Зелинского). По версии Софокла Лаий *связал, соединил или сковал (ἐνζεύξας)* новорожденному Эдипу *лодыжки или суставы ног (ἄρθρα ποδοῖν Oedipus Tyrannus, 715 — 719)*. Попытка Лайи убить своего сына посредством *прокалывания лодыжек*, то есть *обездвижения* его, заключает в себе скрытое предвестие *выкалывания* Эдипом своих *зениц* (И, вверх поднявши острую иглу, / Ее в очей зеницы погружает. (Царь Эдип, 1270. Пер. Ф. Зелинского), так как в греческом тексте *лодыжки и зеницы* обозначены одним и тем же словом ἄρθρα. Образ *обездвиженного* новорожденного Эдипа со *связанными/скованными* в единое целое

¹ Древнегреческий текст трагедий Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» цитируется по: Sophocles. Vol 1: Oedipus the King. Oedipus at Colonus. Antigone. With an English translation by F. Storr. The Loeb classical library, 20. F. Storr. London; New York. William Heinemann Ltd.; The Macmillan Company. 1912.

² Русский перевод трагедий Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» цитируется по: Софокл. Драмы. В переводе Ф.Ф. Зелинского под ред. М.Л. Гаспарова и В.Н. Ярхо. Изд. подготовили М.Л. Гаспаров и В.Н. Ярхо. Серия «Литературные памятники». М., "Наука", 1990.

ногами ассоциируется с образом *стреноженного животного*, у которого две ноги связаны в единое целое, что *перекликается с образом треногого существа в загадке Сфинги*. С той существенной разницей, что треногое существо в загадке представляет собой иносказательный образ обыкновенного человека в старости, а образ треногого Эдипа, напротив, символизирует не старость, а его детство.

В загадке Сфинги в версии Асклепиада слово *τρίπον* (у псевдо-Аполлодора – *τρίπου*) – *треногий* представляет собой квази-омофон слова *τρύπων* – генетив множественного числа от *τρύπα*, что семантически связано с «дырой», «перфорацией», «прокалыванием» и, тем самым, перекликается с проколотыми в младенчестве ногами Эдипа. В символическом смысле у Эдипа не было детства, как у человека вообще: он изначально «треногий трагический герой» [16, с.38]. «Эдип не ползал на четвереньках [когда был младенцем] и не ходил на двух ногах [когда стал взрослым]» [17, с.126].

Эдип постоянно предстает перед нами как треногое существо – он не был ни четвероногим, ни двуногим, в отличие от существа с меняющимся числом ног в *пророческой* загадке Сфинги.

Один сюжет. Предлагаемая здесь мною догадка состоит в том, что пророческий заряд, заложенный в загадке Сфинги, обнаруживается только в контексте общей инвариантной схемы сюжета, которая включает в себя как различные версии загадки, так и все основные версии *полной истории жизни* героя – от рождения до смерти. Металитературная перекличка между загадкой Сфинги и судьбой Эдипа не может быть выявлена в контексте версии мифа, изложенного только в трагедии Софокла «Царь Эдип», так как история жизни героя не досказана в ней до конца и прерывается уходом слепого, но ещё совсем не старого Эдипа в изгнание.

В контексте инвариантной схемы мифа трагедию «Царь Эдип» необходимо рассматривать как единое целое с другой пьесой Софокла «Эдип в Колоне»: «Сличение «Эдипа в Колоне» с современным фольклором показывает, что «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» есть органическое целое, один сюжет, а не два сюжета» [18, с.295]. В этой связи нужно подчеркнуть, что «Софокл <...> не тот, кто только *использует* миф, литературно обрабатывает его, предлагая новые версии <...> Софокл выступает именно как *создатель* самого мифа, то есть тот, кто открыл ... первоначальную схему <...> и тем самым способствовал конструированию инварианта этой схемы» [13, с.216].

Четвероногий Эдип. В начале пьесы «Эдип в Колоне» изгнанный их Фив Эдип появляется в сопровождении своей дочери Антигоны, которая

в символическом смысле выступает в роли *палки* или *посоха* слепца: «Сама Антигона это и есть *палка* Эдипа. Здесь явная аллюзия на <...> образ дочерей – Антигоны и Исмены, выступающих в роли *костылей* своего престарелого отца» [19, с.66]. В греческом тексте *костыли*, функции которых несут в себе дочери, обозначены словом *σκήπτρα* (двойственное число). В «Царе Эдипе» словом *σκήπτρον* (в единственном числе), как мы упоминали выше, обозначена дорожная *палка* молодого Эдипа, которой убивает своего отца: «*σκήπτρῳ τυπεῖς ἐκ τῆσδε χειρὸς ὕπτιος*» (Oedipus Tyrannus, 811) – «Я *посохом* его ударил в лоб» (Царь Эдип. Пер. Ф.Зелинского). Тем же словом обозначен и *посох* слепца, которым, согласно предсказанию Тиресия (*σκήπτρῳ προδεικνὺς γαῖαν ἐμπορεύσεται* – Oedipus Tyrannus, 456) ему суждено «испытывать свой путь». Наконец, тот же *σκήπτρον* – в значении *жезла-скипетра* служит метафорой его царской власти: «ὡς οὐτ' ἄν ὄς νῦν *σκήπτρα καὶ θρόνους ἔχει*» (Oedipus at Colonus, 425) – он «скипетром владеет и престолом» (пер. С. Шервинского)³.***

В пьесе «Эдип в Колоне» речь идёт сразу о *двух костылях*, в роли которых символически выступают обе дочери Эдипа – и Антигона, и Исмена: «οὐκοῦν ποτ' ἐκ τούτοις γε μὴ *σκήπτροισιν* ἔτι» (Oedipus at Colonus, 848) – «Вот *без обоих посохов* своих / Остался ты» (пер. С. Шервинского), «ὦ *σκήπτρα* φῶτός» (Oedipus at Colonus, 1108) – «*Два посоха* моих!» (пер. С. Шервинского). Опираясь на двух своих дочерей, выступающих в роли *костылей*, Эдип, образно говоря, передвигается *на четырех ногах*: «Антигона и Исмена оказываются в функции [двух] *костылей* Эдипа [20, с.181].

Фигура Эдипа на «двух костылях» перекликается с иносказательным образом «четвероногого» существа в загадке Сфинги.

Двуногий Эдип. В конце жизни Эдип чудесным образом прозревает и отказывается от костылей: «Антигона перестает играть роль *костыля* <...> когда ее слепой отец вновь обретает зрение» [20, с.181]. Эдип сам становится проводником для других: «Идти пора, не вправе медлить мы. / Вы, дети, следуйте за мной. Доныне / Вы темный путь указывали мне; / Теперь же я вам *проводник* чудесный. / Идите, не касайтесь; дайте мне / Тот холм священный самому найти ...» (Софокл. Эдип в Колоне, 1541 – 46. Пер. Ф. Зелинского). Симво-

³ Трагедия «Эдип в Колоне» в переводе С. Шервинского цитируется по: Софокл. Трагедии. М., "Художественная литература", 1988.

лическим проводником (πομπός) Эдипа теперь становятся Гермес (Ερμῆς) с богиней царства мертвых (Персефоной): «Ερμῆς ὁ πομπός ἢ τε νεοτέρᾳ θεός» (Oedipus at Colonus, 1548) – «Меня ведет Гермес – / Водитель душ – с богиней преисподних» (пер. С. Шервинского).

Эдип впервые в своей жизни самостоятельно идёт на своих двух ногах: «Неожиданно обретая зрение, <...> он твердо и уверенно <...> ведёт своих бывших поводырей <...> к месту своей смерти» [21, с.12]. Об этом мы узнаем из рассказа Вестника: «ἔξοισθ', ὑφηγητῆρος οὐδενὸς φίλων» (Oedipus at Colonus, 1588) – «Ты видел сам, как он ушел отсюда: / Без помощи участливой руки – / Нет, сам ведя нас, проводник бесстрашный (Софокл. Эдип в Колоне, 1587 – 89. Пер. Ф. Зелинского).

Передвижение Эдипа на двух ногах в самом конце жизни в контексте единого сюжета ускользало от внимания исследователей, так как пьеса «Эдип в Колоне» обычно не рассматривается как неотъемлемая составная часть инвариантной сюжетной схемы, включающей загадку Сфинги. Так, крупнейший специалист по древнегреческой трагедии Чарльз Сегал заключает: «Oedipus has, possibly, never gone on two feet at all» [8, с.215] – «Эдип, возможно, никогда не ходил на двух ногах» (пер. В.П.), делая, правда, при этом оговорку – «возможно». Между тем без двуногого Эдипа нарушается сюжетная конструкция, в основе которой лежит переключка образа главного героя с иноскаательным образом двуногого существа в загадке.

Самостоятельное передвижение Эдипа на двух ногах – без посоха и поводырей – знаменует актуализацию его имени Οἰδίπους, созвучного с δίπους, что значит *двуногий*. Имя Эдип означает не только «пухлоногий», но может быть истолковано и как «знающий» (oída – я знаю), а также как «двуногий» (oi-dipous). В имени героя, которое переключается с темой ног (пухлоногий) и темой знания (oída) заключена скрытая аллюзия на события, которые происходят в его жизни.

Стрела времени. У существа, о котором идёт речь в загадке Сфинги, меняется число ног, то есть телесный облик, по ходу движения времени, направленного от прошлого к будущему. Ход времени в жизни Эдипа обращен вспять: «В «Царе Эдипе» события развиваются перед зрителем из конца <...> Изложение событий ведется не в хронологическом порядке <...> Не пророчество определяет собой конец, а наоборот» [19, с.262 – 263]. Имеет место и символическая инверсия пространственно-временных координат. Не зная, что Полиб и Мeroпа его приемные родители, Эдип бежит из

Коринфа в Фивы. Он думает, что бежит от своего предсказанного оракулом будущего. На самом же деле он бежит навстречу своему будущему – и не только в прямом смысле (когда сбывается предсказание об убийстве отца и браке с собственной матерью), но и в метафорическом, когда он встречается с прорицателем Тиресием, слепым стариком, опирающимся на посох, образ которого предвещает будущее состояние самого Эдипа.

В символическом смысле жизненный путь Эдипа пролегает не по направлению от прошлого к будущему, как у человека вообще, а от предсказанного будущего (убийство отца и брак с матерью) к прошлому, топографически воплощенному в горе Киферон, где Эдип начал свою жизнь и куда он намерен вернуться в конце, чтобы умереть: «οὐμός Κιθαίων οὗτος, ὃν μήτηρ τέ μοι πατήρ τ' ἐθ' ἔσθην ζῶντε κύριον τάφον» (Oedipus Tyrannus, 1452 – 53) – «Отправь / Меня в пустыню, где главу возвысил / Мой Киферон. Законною могилой / Он от отца и матери мне дан» (Царь Эдип. Пер. Ф. Зелинского). На последней, третьей стадии своей жизни Эдип хочет вернуться к месту, где началась его жизнь, то есть в свое прошлое. *Путь жизни Эдипа – не прямая линия от прошлого к будущему, а движение по кругу от Киферона до Киферона.* Если стрела времени в жизни человека вообще в символическом смысле летит по направлению от детства к старости, то в жизни Эдипа – от старости к детству. Герой проходит метаморфозу не от четвероногого существа к треногому, а от треногого – к двуногому. Эдип передвигается на трех ногах, когда он ребенок, и на четырех ногах, когда он старик, опирающийся на своих дочерей, которые выступают в роли его костылей. Последовательность телесных изменений Эдипа (символическая численность ног) по мере движения времени перевернута по отношению к последовательности телесных изменений в жизни человека вообще, который передвигается на четырех ногах, когда он ребенок, и на трех ногах, когда он старик. *Будучи ребенком, Эдип передвигается как старик – на трех ногах, а будучи стариком, Эдип передвигается на четырех ногах, – как ребенок.* Пространственно-временная инверсия, связанная с «развитием событий из конца» и перемещением героя в прошлое, которое топографически воплощено в горе Киферон, отражает и антропологическую инверсию стадий развития в жизни Эдипа.

В то время как для обыкновенного человека в возрасте расцвета, то есть в середине жизни, старость, когда нужна опора на *третью ногу*, – это будущее, то есть конец жизни, для Эдипа старость

– не будущее, а настоящее, так как он ходит, опираясь на палку – *на трех ногах* – в возрасте расцвета, в середине жизни. В то время как для обыкновенного человека передвижение *на двух ногах* – это середина жизни, для Эдипа это только будущее, то есть конец жизни, когда он чудесным образом вновь обретает зрение⁴.****

Справа налево. Вернемся к вопросу о *пророчестве или скрытом предсказании* (μαντεῖος), которое должно быть заключено в загадке Сфинги. Загадка лишь упомянута в пьесе «Царь Эдип», но содержание ее не передано. В контексте *общей инвариантной схемы* мифа, в которой легенда о загадке Сфинги переплетена с историей Эдипа в единый литературный сюжет, важнейшее место занимает самая ранняя версия загадки, написанная в форме гекзаметра. Речь идет о каноническом тексте Асклепиада из Трагила, созданном в IV веке до н.э., то есть спустя столетие после постановки трагедии Софокла (429 – 425 гг. до н.э.). Формулу загадки, переданную Асклепиадом, процитировал Афиней [22, с.119] в «Пире мудрецов» (II или III в. н.э.):

ἔστι δίπους ἐπὶ γῆς καὶ τετράπους, οὐ μίαν φωνήν,
καὶ τρίπους, ἀλλάσσει δὲ φύσιν μόνον ὅσση' ἐπὶ
γαῖαν
ἔρπετὰ γίνονται καὶ ἀν' αἰθέρα καὶ κατὰ πόντον

⁴ Психолог С.М. Грачева сообщает, что символическую инверсию последовательности стадий жизни Эдипа можно схематически изобразить в виде правильного треугольника. В левом нижнем углу треугольника начинается метаморфический процесс в жизни «человека вообще»: по часовой стрелке — от состояния младенца, ползающего на четвереньках — вверх к вершине треугольника, к состоянию взрослого человека, ходящего на двух ногах. Затем происходит нисходящее движение к правому нижнему углу треугольника — к состоянию человека в старости, опирающегося на палку (третью ногу). В этой точке — в правом нижнем углу треугольника, где заканчивается жизненный путь «человека вообще», только начинается метаморфоза Эдипа: от состояния «стреноженного» младенца и молодого человека, опирающегося на дорожную палку, в сторону левого нижнего угла треугольника, где он превращается в существо на четырех ногах (опираясь на двух своих дочерей, в символическом смысле — два костыля). Отсюда начинается его восхождение к вершине треугольника, где он, чудесным образом вновь обретая зрение перед самой смертью, впервые самостоятельно передвигается на своих двух ногах. В отличие от «человека вообще», который достигает вершины своего физического расцвета в середине жизни (на вершине треугольника), Эдип, оказываясь в этой точке на закате жизни, достигает своего полного духовного расцвета.

ἀλλ' ὁπόταν πλείστοισιν ἐρεϊδόμενον ποσὶ
βαίνει
ἔνθα τάχος γυίοισιν ἀφαιρότατον πέλει αὐτοῦ
[23, с.186 – 187].

Приведу перевод выделенных мною ключевых слов загадки: *δίπους* – двуногий, *τετράπους* – четвероногий, *τρίπους* – треногий, *φωνή* – голос, *ἀλλάσσει* – менять, изменять, *φύσιν* – существо (в аккузативе, номинатив φύσις), *πλείστοισιν* – больше всего, *ποσὶ* – ноги, *τάχος* – быстрота, скорость, *ἀφαιρότατον* – (от αφαιρος – слабый, бессильный). Вот один из русских переводов загадки Сфинги в изложении Асклепиада:

«Есть существо на земле: и *двуногим*, и *четвероногим*
Может являться оно, и *треногим*, храня свое имя
Нет ему равного в этом во всех животворных стихиях.
Все же заметь: чем больше опора его тело находит,
Тем в его собственных членах слабее движения сила» [24, с.186].

Последовательность перечисления телесных состояний существа – *δίπους*, *τετράπους*, *τρίπους* в загадке отражает нумерологическую последовательность изменения числа ног загадочного существа, выраженную числовым рядом 2, 4, 3. В отличие от существа с меняющимся числом ног, которое становится *двуногим*, *четвероногим* и *треногим* (последовательность изменений в канонической формуле загадки Асклепиада), Эдип на протяжении своей жизни претерпевает символическое изменение численности ног, но в *обратной по отношению к данной в загадке последовательности* – 3, 4, 2: сначала он предстаёт *треногим* (стреноженный младенец, молодой мужчина с дорожной палкой и слепец с посохом), потом – в «Эдипе в Колоне» – *четвероногим* (опираясь на дочерей, которые в символическом смысле выступают в роли двух костылей) и, наконец, *двуногим*, когда уверенно идет навстречу смерти без помощи поводырей. Тем самым скрытое *пророчество / предсказание*, заключенное в загадке Сфинги о существе с меняющимся числом ног, сбывается в жизни Эдипа в *инверсированной форме* – если прочитать числовой ряд, отраженный в загадке (2, 4, 3) *справа налево*. Мотив *чтения числового и буквенного ряда* (буквы имели в древнегреческом числовые значения) *справа налево* восходит к раннему изображению сюжета об Эдипе на древнегреческом сосуде (500 – 450 г. до н.э.), где Сфинга сидит на колонне перед Эдипом, опирающимся на палку.

На картине помещено слово ΟΙΔΠΟΔΕΣ (Эдип), написанное обычным образом слева направо, а вот начертанные рядом буквы ΚΑΙ ΤΡΙ, которые можно прочесть как *καὶ τρίπον*, то есть *треногий*, написаны *справа налево* – ΙΡΤ ΙΑΚ [22, с.124]. Архаичский способ письма, основанный на чередовании направления строк, называется бустрофедон.

Эдип и человек. В загадке Сфинги имеется неочевидное дополнительное условие, в основе которого лежит инверсия неравенств, выражающая тему «изменения числа ног»: «больше-меньше» / «медленнее-быстрее / слабее-сильнее». Чем больше (πλείστοισιν — превосходная степень, наибольшее) число ног, тем медленнее (меньше скорость — τάχος) и слабее (αφαιρος) загадочное существо, что подразумевает обратную смысловую перестановку: чем меньше число ног, тем оно быстрее и сильнее. В то время как у человека вообще телесное изменение происходит последовательно от слабого состояния — на наибольшем числе ног (четыре) к сильному состоянию с наименьшим числом ног (две), а затем к «промежуточному» слабому состоянию (три ноги), то в жизни Эдипа эти изменения происходят в обратном порядке — от «промежуточного» слабого состояния на трех ногах (младенчество и зрелый возраст) к слабому состоянию на четырех ногах (дочери в роли костылей) и в финале, перед смертью, к сильному состоянию на двух ногах. Обнаруживается металитературная переключка между дополнительным условием загадки и событиями в жизни Эдипа.

Предположение о том, что Эдип дал неправильный ответ на загадку, относится к логико-философскому дискурсу и лежит за пределами литературоведческого разбора. В случае неправильного ответа Эдип по всем законам поэтики должен был погибнуть, ведь Сфинга «убила <...> многих людей, поскольку они не смогли разгадать загадку» [1, с.85]. Погибает же, как известно, Сфинга, что свидетельствует о правильности разгадки, данной Эдипом: человек. При этом «Эдип исключает себя из общего понятия о человеке. <...> В то время, когда обычные дети ползают на четырех конечностях, он со связанными ногами, передвигается на трех; а в то время, когда здоровые взрослые люди уверенно ходят на своих двух ногах, ему, дабы не упасть, нужна трость для опоры при ходьбе. Вечно треногий, Эдип не подвержен ходу времени, что отличает его от обычного человека» [25, с.57 – 58].

В основе инвариантной схемы сюжета лежит символическое противопоставление между Эди-

пом и человеком вообще, иносказательный образ которого заключён в загадке.

Нумерология. Реконструкция индоевропейских корней загадки Сфинги выявила константные элементы сюжета об Эдипе: «Это касается, во-первых, «ноги» как доминанты — основного образа <...> проходящего через весь текст загадки и мифа, во-вторых — нумерологии, отраженной в последовательности чисел (1-2-3-4 с чтением в обратном порядке от больших четных чисел к нечетным 4-2-3-1). Загадка <...> основана на обыгрывании индоевропейского противопоставления «двуногих» (*dwi-pod-) — людей и «четвероногих» (*kw etur-pod-) домашних животных [26, с.91 – 92]. Заметим, что последовательность изменения числа ног в разных версиях загадки разная. В некоторых версиях вообще упомянуто только 2 и 4 ноги, что, видимо, отражает наиболее архаичную формулу загадки, заключающей в себе противопоставление человека и животного.

Беременная женщина. Индоевропейским прототипом загадки Сфинги является загадка о беременном животном (например, загадка царя Нумы о жертвоприношении восьминогой стельной коровы с эмбрионом внутри нее [26, с. 92]) — четыре ноги коровы на земле, четыре другие — внутри у эмбриона. Мотив жертвоприношения «стельной коровы» непосредственно связан с мифами Фиванского цикла, так как город Фивы был заложен Кадмом в том месте, где возлегла стельная корова. Загадка Сфинги допускает альтернативное прочтение ее как варианта древнейшей загадки о беременной корове с заменой животного на человека, то есть коровы на беременную женщину, что впервые обнаружили Шульце и Порциг: «Перед нами загадка о беременной женщине, которая широко распространена во множестве вариантов, в большинстве случаев в виде загадки о беременном животном» [26, с. 92], [27, с. 640], [28, с. 238]. Суть состоит в том, «четвероногое» существо — это беременная женщина, две ноги которой находятся на земле, а две другие ноги — плода (fetus) — земли не касаются [26, с. 92].

Выскажу здесь свою догадку, что альтернативное прочтение загадки Сфинги как загадки о беременной женщине в неявном виде содержится в ответе Эдипа в изложении псевдо-Аполлодора: «γὰρ τετράπουν βρέφος ὄντα τοῖς τέτταρσιν» (Apollodorus 3, 5, 8). Говоря о «четвероногом» существе, Эдип употребляет слово βρέφος, которое обозначает не только ребенка, младенца, но и плод (fetus), находящийся в чреве матери. Это выглядит даже более логично: две ноги женщины на земле и

две ноги плода внутри. Иначе получается натяжка, так как приходится считать ногами две руки ползающего на четвереньках ребенка. Употребленное же Эдипом в ответе слово ἄνθρωπον (человек) может относиться и к женщине.

Уравнение с одним неизвестным. Хотя в версии мифа, изложенной Софоклом в «Царе Эдипе», отсутствует текст загадки Сфинги, мотив нумерологии образуют магистральный символический план, пронизывающий всю пьесу. Так, например, Эдип надеется, что он не виновен в убийстве отца, ведь согласно показаниям свидетеля Лаий был убит не одним человеком, а несколькими людьми: «ἀποστὰς ἔφασκες αὐτὸν ἀνδρῶν ἐννέπειν / ὥς νιν κατακτείνειαν. εἰ μὲν οὖν ἔτι / λέξει τὸν αὐτὸν ἀριθμόν, οὐκ ἐγὼ ἔκτανον: / οὐ γὰρ γένοιτ' ἄν εἷς

γέ τοῖς πολλοῖς ἴσος» (Oedipus Tyrannus, 843 – 845) – «Ведь от разбойников погиб твой муж, – / От многих, значит. Коль и ныне то же / Покажет он, – убил его не я: / Один прохожий ведь не равен многим» (Царь Эдип, 843 – 46, пер. Ф. Зелинского) – в греческом тексте употреблены слова ἀριθμός – число и ἴσος – равный. Перед нами почти уравнение с одним неизвестным: «один не равен многим, чему равен Эдип?». По ходу сюжета выясняется, что Эдип (один) все-таки равен многим: он одновременно и сын и муж своей матери, и отец и брат своим детям, что, образно говоря, делает его не-человеком, в символическом смысле животным, противопоставленным обобщенному человеку.

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека. III.5.8. Астрель. М., 2004. 350 с. С.83. (Apollodor. Mifologicheskaya biblioteka (Mythological library). III.5.8. Astrel'. M., 2004. 350 s. S.83)
2. Rush Rehm, 2002. The Play of Space: Spatial Transformation in Greek Tragedy. Rush Rehm. Princeton University Press 2002, 448 p. P. 232.
3. The Oxford Handbook of Philosophy and Literature. Edited by Richard Eldridge. Oxford University Press, 2009. 536 p. P. 80.
4. Sidney Gottlieb. Teaching and Learning from Oedipus. Sacred Heart University Review, Vol. 9, Issue. 2 [1989], Art. 2. P.7.
5. David Konstan. Propping Up Greek Tragedy: The Right to Use Opsis. *Performance in Greek and Roman Theatre*. Ed. by George Harrison & Vayos Liapis. Brill, Leiden-Boston 2013. 592 p. P. 70.
6. David R. Slavitt and Palmer Bovie. Sophocles, 2. King Oedipus, Oedipus at Colonus, Antigona. University of Pennsylvania Press, Penn 1999. 274 p. P. 21.
7. Walter Kaufmann. The Riddle of Oedipus: Tragedy and Philosophy / Tragedy and Philosophy. Doubleday and Company 1968, 480 p. P.210.
8. Charles Segal. Tragedy and Civilization: An Interpretation of Sophocles. University of Oklahoma Press, 1999. 506 p. P. 238.
9. Kenneth Glazer. Searching for Oedipus. How I Found Myself in an Ancient Masterpiece. Hamilton Books. New York – London, 2018. 278 p. P. 34 – 35.
10. Пимонов В., Славутин Е. Загадка мифа об Эдипе // Вестник Европы 2011, С. 31 – 32. (Pimonov V., Slavutin E. Zagadka mifa ob E'dipe (The mystery of the Oedipus myth). *Vestnik Evropy*, 2011. С. 31 – 32).
11. Фрейденберг О.М. Образ и понятие // Миф и литература древности. М., Восточная лит-ра РАН, 1978. 800 с. С. 606. (Freidenberg O.M. Obraz i ponyatie (Image and concept). *Mif i literatura drevnosti*. М., Vostochnaya lit-ra RAN, 1978. 800 s. S. 606).
12. Топоров В.Н. О структуре «Царя Эдипа» Софокла // Славянское и балканское языкознание. Карпатско-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., Наука, 1977. С. 256 – 258. (Tporov V.N. O strukture «Czarya E'dipa» Sofokla (On the structure of "Oedipus Rex" by Sophocles). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpatsko-vostochnoslavyanskije paralleli. Struktura balkanskogo teksta*. М., Nauka, 1977. S. 256 – 258).
13. Patrick C. Tinsley. Libertarian Papers. vol. 3 part 1 (2011). Sophocles and Socrates: Defeating the Sphinx. Dispelling the State. *Plato and the Spell of the State*. 479 p. P. 28.
14. A. Samuel Kimball. The Infanticidal Logic of Evolution and Culture. Newark, University of Dalaware Press 2007. 363 p. P. 220.
15. Peter Meineck, Paul Woodruff. Oedipus Tyrannos. Translated with Introduction and Notes by Peter Meineck, Paul Woodruff. Hackett Publishing Company Incorporated, USA 2000, 67 p. P. 17.
16. Marc Shell. Polio and Its Aftermath: The Paralysis of Culture. Harvard University Press. 1 edition (June 15, 2006), 336 p. P.38.
17. Seth Benardete. The Argument of the Action: Essays on Greek Poetry and Philosophy. University of Chicago Press. 2000, 434 p. P. 126.
18. Пропп В.Я. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., Наука, 1976. 327 с. С. 295. (Propp V.Ya. E'dip v svete fol'klora (Oedipus in light of folklore). *Fol'klor i dejstvitel'nost'*. *Izbranny'e stat'i*. М., Nauka, 1976. 327 s. S. 295).
19. After Lacan: Literature, Theory and Psychoanalysis in the 21st Century. Edited by Ankhi Mukherjee. Cambridge U.P., 2018. 240 p. P. 66.
20. S. Clark Buckner and Matthew Statler. Styles of Piety. Practicing Philosophy after Death of God. Fordham University Press. New York 2006. 320 p. P. 181.
21. William Scott. Musical design in Sophoclean Theater. University Press of New England, Hanover, NH, USA 1995. 352 p. P. 12.
22. Stephen Rojcewicz. How to Kill a Sphinx / Delos: The Journal of Translation and World Literature. Vol. 33, no. 2, 2018. 134 p. P. 119.

23. Athenaeus 10.456b. Athenaeus, *The Learned Banqueters*, Vol. 5. Ed. and trans. S. Douglas Olson. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009, P.186–187.
24. Зелинский Ф.Ф. Сказочная древность Эллады / Сост. и вступ. ст. Г. Гусейнова; Оформл. А. Данилова; Ил. Л. Орловой. М., Моск. рабочий, 1993. 382 с.: ил. С. 186. (Zelinskij F.F. Skazoch'naya drevnost' E'llady` (Fabulous antiquity of Greece) / Sost. i vstup. st. G. Gusejnova; Oforml. A. Danilova; Il. L. Orlovoj. M., Mosk. rabochij, 1993. 382 s.: il. S. 186).
25. John T. Hamilton. *Security: Politics, Humanity and the Philology of Care*. Princeton University Press 2013, 336 p. P. 57 – 58.
26. Иванов Вяч. Всеv. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том.3. Структура индоевропейских загадок-кеннингов. М., Языки славянской культуры, 2004. 816 с. С. 91 – 92. (Ivanov Vyach. Vsev. Izbranny'e trudy` po semiotike i istorii kul'tury`. Tom. 3. Struktura indoevropejskix zagadok-kenningov (Selected works on semiotics and cultural history. Thom.3. Structure of Indo-European kenning riddles). M., Yazy`ki slavyanskoj kul'tury`, 2004. 816 s. S. 91 – 92).
27. Schultze W. *Kleine Schriften*. Göttingen 1933. P. 640.
28. Porzig W. *Das Rätsel der Sphinx. Lexis 1953*. Vol. 3. P. 238.

DID OEDIPUS ACTUALLY SOLVE THE RIDDLE OF THE SPHINX?

© 2019 V.I. Pimonov

Vladimir I. Pimonov, Ph.D in Philology (Denmark), Professor emeritus (Daniya).

E-mail: ivpet65@mail.ru

GITR Film & Television School. Moscow, Russia

The article explores and disputes a classical argument that Oedipus fails to solve the riddle of the Sphinx, as the right answer should not point to an abstract man, but to Oedipus himself, as it is he, who undergoes transformation from a baby crawling on four limbs to a young man walking on two legs and finally to an old man hobbling on a cane (his third leg) after he blinds himself. The author argues that in contrast to the enigmatic creature in the riddle, who consecutively moves from being two-legged to four-legged and finally to three-legged (the sequence conveyed by Asclepiades in a canonical formula of the riddle), Oedipus moves in a reverse order: from being a *three-legged* creature from the start (as a hobbled baby, crippled young male with a walking cane and a blind man with a staff), to a *four-legged* man later (in «Oedipus at Colonus» he is leaning upon his daughters symbolically playing the role of Oedipus' two crutches) and finally to a *two-legged* old person – when he is walking without help from other people and without a cane before he dies. The author argues that in the context of the invariant structure, which incorporates «Oedipus Tyrannus» and «Oedipus at Colonus» by Sophocles as inseparable constituents of one and the same plot, the hidden prophecy contained in the riddle of the Sphinx about a creature with a changing number of feet comes to fruition in Oedipus's life in an *inverted form*. The author reveals a meta-literary parallel between the numerical inversion and the spatio-temporal one: Oedipus's life is not a straight line from the past to the future, but from the predicted (predetermined) future (patricide and incest) to the past, manifested topographically by the mount Cithaeron where he started his life and where he returns at the end. The author argues that Oedipus' answer to the riddle of the Sphinx also contains a hidden allusion to the Indo-European prototype of the riddle about pregnant animal.

Key words: Oedipus, Sphinx, riddle, prophecy, plot, structure, invariant, prototype, numerology, inversion.